

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1914**

Выпуски 5-8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1914: Выпуски 5-8 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 610 с.

ISBN 978-5-458-47956-1

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1914. Выпуски 1-4«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подобрал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-47956-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

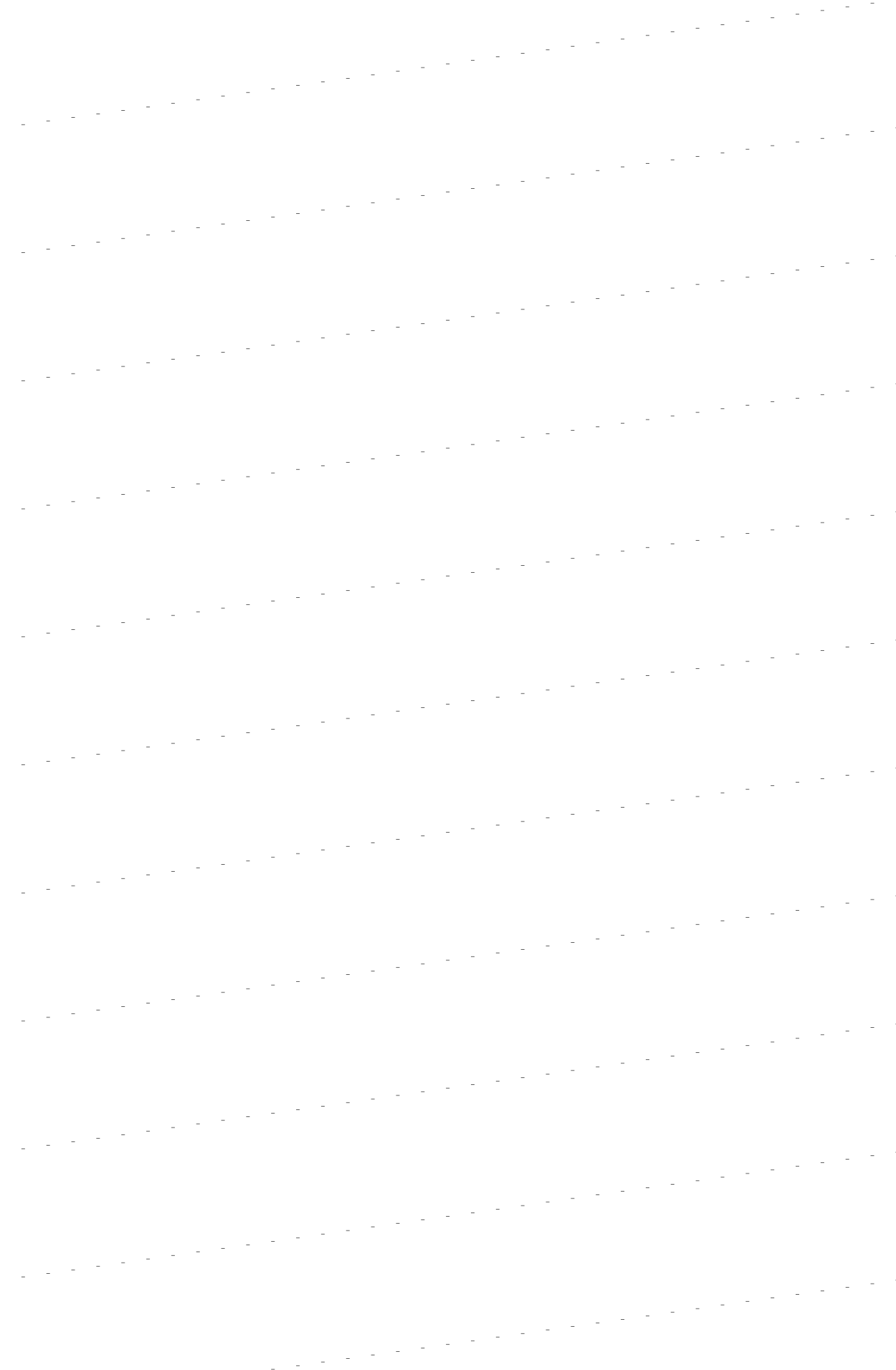
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПИСЬМО М. А. АЛИСОВА КЪ СУПРУГЪ

Другъ мой Дарья Ильинична, желаю тебе другу моему и съ сыномъ Ванюшею, будь надъ нимъ Божеское милосердіе и мое благословеніе. Я при сей оказіи тебѣ, другу моему, увѣдомляю: при отпуске сего письма въ Польше, въ мѣстечкѣ Свирлинь, въ полку Нарвскомъ Конномъ драгунскомъ въ болѣзни моей едва живъ и не имѣю движенія съ постели, молись, другъ мой богу, чтобъ богъ меня вынесъ и съ тобою видитца, а особливо береги сына. Хотя что Богъ и надо мною сдѣлаеть, да и сынъ будетъ наслѣдникъ и не будетъ шетатца между дворъ. И ежели-же будетъ щастливъ, то уже я къ тебе с Польши не пріѣду такъ (не) привезу вамъ по парѣ платя.

—А я нынѣ подпоручикомъ въ полку Нарвскомъ.—

Хотя бы, другъ мой, и занявши денегъ купилъ бы вамъ матерію на платя, да только оказіи неверные, можетъ пропасть. Притомъ же я и на себе великой долгъ имѣю, по новому моему чину всю исправлялъ вновь поратную, купилъ лошеть и еще возовыхъ покупалъ лошадей.—Пришли, другъ мой, ноябрьнею зимою поскорѣе, неумедливъ людей ко мнѣ, Иваньку, Прошку,—или вмѣсто Прошки Ваньку Сергѣева, да Микитку Васильева на двухъ лошedahъ а запасу гречневыхъ крупъ осьмину, пшена осмину, ветчины, сала и масла коровьяго гораздо побольше и денегъ рублевъ сорокъ. А у насъ въ Польше все дорого, ржи бочка по нашей мѣрѣ десять четвертей (?) семь рублевъ, овса бочка,—десять четвериковъ,—пять рублевъ, сѣно пудъ двадцать шесть копеекъ.—А Ванькѣ ѣхать на Смоленскъ и явитца нашего полку у госпожи полковницы Ангеларовой, а изъ Смоленска в Польшу к намъ в полкъ оказей очень много будетъ, и для того неудерживай, посылай въ Смоленскъ, чтобъ Ванька могъ обратно пріѣхать домой. Да при-

шли какъ мнѣ таѣ и Полешкѣ исподнихъ рубашекъ и с портами паръ по пять, да полевую шубу и кафтанъ полевой, а лошадей съ ними отпусти двухъ, которые гораздо полутше и надѣжее. Смотри, другъ мой Даша, за всемъ хорошенько, такъ какъ надлежитъ быть хозяйки, что приѣходчи я за доброе твое економство могъ сказать спасибо.—Да скажи Иванушкѣ Болычову что братъ его родной Сергѣй Савельевичъ Болычевъ сего теченія 1-го дня волею божію умрѣ,—не вели ему печалитца и отдай его въ городъ дьякону Данилѣ Петрову учитца грамотѣ, а меня ежели богъ вынесетъ с Польши в Русь,—тогда запишу его в полкъ.

Тако остаюсь мужъ твой Михайло Алисовъ. Декабря 10 дня 1757 года.

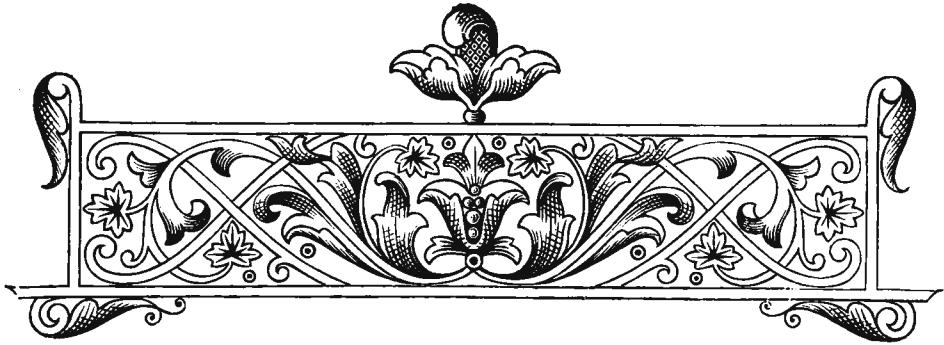
Михаилъ Андр. Алисовъ, р. до 1734 г. Ростовскаго драгунскаго полка Капралъ 1748, подпрапорщикъ 1751, Мценскій помѣщикъ.

Архивъ Мск. Двор. Децут. Собранія.

Дѣло Алисовыхъ 1822 г.

Гр. Соллогубъ.

ПИСЬМА КНЯЗЯ Д. И. ДОЛГОРУКАГО КЪ ОТЦУ

26 іюня 1822 года.

Сегодняшнее письмо, дорогой батюшка, конечно одно изъ самыхъ важныхъ съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ удовольствіе писать вамъ въ послѣдній разъ послѣ своего возвращенія въ Пруссію. Напрасно прождавъ благопріятнаго случая, чтобы сообщить вамъ подробности моего свиданія съ Сп....*) и держа въ рукахъ ваше послѣднее письмо отъ сего мѣсяца, требующее положительнаго отвѣта о моихъ переговорахъ, который могъ бы руководить вашими дѣйствіями,—я рѣшилъ сообщить вамъ все въ сегодняшнемъ письмѣ.

Сдѣлавъ нѣсколько бесполезныхъ визитовъ къ Спер...., въ одинъ прекрасный день я встрѣчаю его на набережной. Онъ останавливается и, по своей привычкѣ, начинаетъ спрашивать меня о васъ. Минута была самая подходящая. Я видѣлъ, что онъ никуда не спѣшилъ, что былъ не прочь поговорить подольше. Я выразивъ ему всю свою признательность за его память о васъ, и безъ всякихъ околичностей, воспользовался его словами какъ предлогомъ, чтобы сказать ему, что получилъ отъ васъ нѣсколько писемъ, гдѣ вы жалуетесь на отсутствіе дѣятельности, и что въ послѣднемъ письмѣ вы высказываете желаніе опять вернуться на службу. Я сказалъ ему, что не знаю никого, кто въ этомъ случаѣ принялъ бы въ судьбѣ моего отца большее участіе, чѣмъ Его Превосходительство, и что сегодня же я рѣшаюсь просить его не отказать въ поддержкѣ моему отцу, если онъ вообще ничего не имѣетъ противъ васъ. „Я вполне увѣренъ,—сказалъ Спера.....,—что вашъ отецъ нисколько не сомнѣвается въ усердіи, которое я приложу для исполненія его просьбы, но я совершенно не

*) Графъ Сперанскій, тогдашній министръ юстиціи.

знаю, какой оборотъ приметъ это дѣло, когда перейдетъ на официальную почву. Придется написать письмо Кикину, и возможно, что оно попадетъ сначала въ руки князя Лобанова. Какъ только онъ будетъ у того или другого, нетрудно направить это дѣло въ хорошую сторону, и тогда я охотно повлѣю на князя Лобанова, а въ средствахъ недостатка не будетъ. Во всякомъ случаѣ не одинъ изъ насъ не возьмется прямо просить Имп., потому что эти дѣла должны идти обычнымъ, законнымъ путемъ“ Таковъ его отвѣтъ. Затѣмъ онъ меня спросилъ, какое мѣсто вы желали бы получить и далъ мнѣ повѣсть, что вамъ, вѣроятно, не хотѣлось бы разставаться съ Москвой. Но я не хотѣлъ открывать ему вашихъ намѣреній, потому что это значило бы вступить въ открытые переговоры, а ограничился тѣмъ, что передалъ ему о вашемъ намѣреніи вернуться на службу, прибавивъ, что я совершенно не осведомленъ относительно вашихъ тайныхъ цѣлей.

Теперь то, дорогой батюшка, было бы умѣстно вамъ самому написать Сп... Письмо должно довольно подробно излагать вашу просьбу о поддержкѣ на основаніи моего разговора съ этимъ Министромъ. Можетъ статься, что это письмо попадетъ на глаза Его Вел. Но кто же лучше васъ, любезный батюшка, сможетъ изложить свои мысли! Все таки я думаю, что мѣсто сенатора съ 5.000 рублей жалованія откроетъ вамъ пути къ лучшей карьерѣ, потому что, по моему, стоитъ только поплыть по теченію, а остальное зависитъ отъ кормчаго.—

Такъ какъ Кикинъ первый получитъ вашу челобитную, то у меня есть отличный случай попросить его помочь намъ, а именно черезъ Загряжскую, которая можетъ быть вамъ очень полезной и въ домъ которой я всегда радушно принять. Какъ только просьба попадетъ въ руки князя Лобанова, начнетъ дѣйствовать Сп... и я готовъ вѣрить, что онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы быть вамъ полезнымъ. потому что мнѣ показалось, что онъ говорилъ вполне искренно. Но, дорогой батюшка, всесильная судьба заставляетъ меня уѣхать изъ Петербурга. Я назначенъ въ посольство въ Римъ, къ Италинскому, и завтра Имп. рѣшитъ мою судьбу. Я буду получать то же жалованіе, путевыя издержки. должность довольно почетная, но, долженъ заявить, что эта новость, достаточно соответствующая моимъ планамъ, свалилась мнѣ, какъ снѣгъ на голову, такъ какъ я никого не просилъ объ этомъ. Но я постараюсь по мѣрѣ возможности оттянуть свой отъѣздъ, чтобы подождать отъ васъ отвѣта, узнать ваше мнѣніе по этому вопросу и самому отвѣтить вамъ.

Если вы одобрите переводъ мой на другое мѣсто, я приму съ радостью это предложеніе и не буду скрывать своего восторга при мысли о томъ, что скоро увижу прекрасное итальянское небо и буду жить среди искусствъ и наукъ. Я знаю, что это дѣло достовѣрное, но знакомъ съ нимъ только въ общихъ чертахъ, а подробностей своего назначенія не знаю, но какъ только узнаю, не замедлю сообщить вамъ ихъ съ первой же почтой.—Кончаю это письмо, цѣлуя васъ, дорогой батюшка, и цѣлуя руки матушкѣ, которую я люблю отъ всей души.

Съ величайшимъ нетерпѣніемъ буду ожидать отвѣта на это письмо, потому что считаю его очень важнымъ для себя. Вашъ покорный сынъ

Дмитрій

1822 года, 12 августа, въ 9 часовъ вечера. Кіевъ.

„Нѣтъ, батюшка, нечего вамъ отъ этого листа отодрать“.

Спѣшу сообщить вамъ, дорогой и милый батюшка, о своемъ благополучномъ пріѣздѣ въ Кіевъ, куда я прибылъ не 10 Августа, какъ намѣревался сдѣлать, чтобы поблагодарить Бога за прожитые двадцать пять лѣтъ жизни, а лишь 11-го поздно вечеромъ. Непріятности съ лошадьми и плохія услуги, которыя терпятъ всѣ путешественники на Руси,—все это выводило меня изъ себя, а особенно приключеніе въ Борснѣ, гдѣ мнѣ пришлось ночевать въ коляскѣ и, трясясь отъ холода и умирая съ голоду, поздравить себя съ днемъ рожденія.

„Есть городъ на Руси по имени Борсна,
Въ которомъ не найдешь ни сливокъ, ни вина“:

Подлинно правда. Главнокомандующій первой арміей Сакенъ и главный губернаторъ Малороссіи Репнинъ, изъ которыхъ одинъ, въ сопровожденіи большой свиты, дѣлалъ смотръ войскамъ, а другой ѣхалъ въ Москву, задрали всѣхъ лошадей и почтовыхъ, и крестьянскихъ, и мнѣ пришлось выпрашивать лошадей у „обывателей“, и тащась такимъ образомъ, сносить вещи, выходящія за предѣлы простыхъ непріятностей. Представьте себѣ, что въ Батуриинѣ дѣло дошло до того, что моему слугѣ пришлось сѣсть на козлы, а мнѣ самому,—отправиться разыскивать дорогу, въ каждой деревнѣ наводя справки, правильно ли мы ѣдемъ.

Причиной тому былъ кучеръ, совершенный ребенокъ. Онъ не зналъ дороги, по которой нужно было ѣхать, и не умѣлъ править

лошадьми. Прибавите къ этому дождь, вѣтеръ и грязь, и вы согласитесь, дорогой батюшка, что безпорядки, царящія въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего управленія, дошли до того предѣла, что дальше нельзя ихъ терпѣть.

Остановка въ пути, вызванная неожиданнымъ проѣздомъ двухъ вельможъ, на которую я совершенно не рассчитывалъ. лишила меня возможности сдѣлать крюкъ въ 60 верстъ, чтобы заѣхать къ дядѣ Зелецкому, а кромѣ того, на станціи, гдѣ я долженъ былъ свернуть съ большой дороги, меня увѣрили, что онъ уже уѣхалъ въ Харьковъ.

Эта неудача очень раздосадовала меня, потому что дядя настолько добродѣтельный человѣкъ, что вполне заслуживаетъ, какъ родственниковъ чувствъ, такъ и дани уваженія. Таковы препятствія, мѣшающія бѣдному человѣку, если на его пути встрѣтятся могущественный вельможа.

Невозможно рассказать о всѣхъ затрудненіяхъ, встрѣтившихъ меня при посѣщеніи могилы покойной тети Зелецкой. Тщетно разспросивъ всѣхъ монаховъ Кіевского монастыря, такихъ же подлинныхъ фарисеевъ, какъ всѣ монахи на свѣтѣ, наконецъ сегодня я обратился прямо къ намѣстнику Антонію съ просьбой указать мнѣ могилу. Онъ служилъ обѣдню, и онъ же отпѣвалъ и хоронилъ тетю. Онъ узналъ во мнѣ вашего сына прежде, чѣмъ я успѣлъ назвать себя. по одному моему лицу, которое, по его словамъ, есть точная копія вашего.

Онъ сейчасъ же приказалъ *Меркурію* (такъ звали монаха) проводить меня на могилу, и вотъ въ какомъ видѣ я ее нашелъ.

Она въ саду, безъ памятника, окружена плодовыми деревьями. Садъ тихій, запущенный, трава въ немъ по колѣно, нѣтъ ни одной дорожки, которая вела бы къ могилѣ. Этотъ уголокъ, хотя и удаленный отъ главной церкви, все же находится въ оградѣ Печерской лавры, и его трудно, а въ первый разъ и невозможно. найти безъ проводника.

По пути. за 18 сажень до этого мѣста, находится церковь Воздвиженія. При входѣ въ этотъ храмъ, направо. въ стѣну вдѣланъ золоченый подсвѣчникъ въ видѣ рельефной руки, сверху его черепъ, а внизу скрещенныя кости. На подсвѣчникѣ надпись, указывающая мѣсто вѣчнаго упокоенія. Я отдалъ послѣдній долъ *бллой* тетѣ, какъ мы ее называли, и помолился въ монастырѣ о упокоеніи ея души; пропѣлъ

вѣчную память надъ могилой, еще сохранившей изображение этой женщины, такъ любившей жизнь и Бога, источникъ всякой жизни, и тѣмъ заслужившей вѣчную память о себѣ.

Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ я не молился съ большимъ усердіемъ, чѣмъ здѣсь, гдѣ я ясно представлялъ себѣ ее у подножія креста, въ избыткѣ чувствъ, составившихъ утѣшеніе тѣмъ, кто ихъ унаслѣдовалъ. Я дѣйствительно восхищаюсь этой женщиной и все болѣе и болѣе сожалею, что Богъ не одарилъ меня способностью писать. Я написалъ бы ея исторію. Я былъ въ кельѣ у доброй Назареты; она все еще говоритъ о своей бѣдности и о пожарѣ. Вспомнилъ Вассіана и зашелъ къ нему. На томъ мѣстѣ гдѣ, по словамъ монахини, когда то находилась часовня, построенная моимъ предкомъ, теперь возвышается каменная церковь, выстроенная на пожертвованія старой княгини Шаховской.

Меня проводили въ такъ называемую *зеленую* гостиницу. Что же дѣлать? Надо жить, и давать жить другимъ.

Лихачева, бывшая здѣсь со вчерашняго вечера, возвращается въ Москву. Она расскажетъ вамъ, дорогой батюшка, что я у нея обѣдалъ, что мы болтали много и о различныхъ предметахъ, и по моему лицу она должна была видѣть, что я чувствовалъ себя счастливымъ въ обществѣ людей, которые знаютъ мою семью и дорожатъ ею.

Я чувствую себя прекрасно. Что подѣлываетъ Классенъ? А крошка Антонины? Съ зарей я уѣду отсюда, и дамъ вамъ вѣсточку о себѣ изъ Радзивилова. Цѣлую матушку, тетушку, всю семью.

„Да будутъ очи его отверзты на домъ нашъ и день и ночь. И такъ прощайте, любезный батюшка.

Цѣлую ваши ручки и поручаю себя въ благословеніе ваше. обнимаю васъ отъ всей души.

Мой поклонъ нянѣ, ее препоручаю, батюшка, въ особенную вашу милость.“ Вашъ покорный и преданный

сынъ Дмитрій,

Радзивиловъ, 1822 года, 19 августа.

Дорогой и милый батюшка, совершенно противъ своего желанія посылаю это письмо съ нашей границы такъ поздно.

Я пріѣхалъ въ Радзивиловъ 15-го поздно вечеромъ, сегодня утромъ отправился въ таможду, чтобы провѣрить свой паспортъ, и каково же было мое изумленіе, когда мнѣ заявили, что мой слуга не помѣченъ въ моемъ паспортѣ и что ему не разрѣшается переѣхать границу. Можете себѣ представить, въ какомъ я затрудненіи! Напрасно я обращался ко всѣмъ вліятельнымъ лицамъ въ городѣ, никто не могъ мнѣ помочь. Въ концѣ концовъ пришлось отправить нарочнаго въ Житомиръ за 315 верстъ, съ настоятельной просьбой къ тамошнему губернатору немедленно снабдить меня пропускомъ для этого челоуѣка.

Я поручилъ это Дмитрію, и принужденъ отдать ему должное: онъ совершилъ эту поѣздку съ удивительнымъ проворствомъ.

Представьте себѣ, что отсюда онъ уѣхалъ 16-го въ 3 ч. дня, и на другой день въ 10 ч. утра онъ былъ уже мѣстѣ своего назначенія. Не заставши губернатора въ городѣ, онъ только сегодня привезъ мнѣ необходимыя бумаги вмѣстѣ съ письмомъ отъ Его Превосходительства. Это обстоятельство, нанесло моему карману ущербъ въ 150 рублей, но все таки я не теряю надежды безъ замедленія доѣхать до Рима. Поэтому умоляю васъ дорогой, батюшка, не тревожьтесь по этому поводу, потому что нѣтъ къ тому уважительныхъ причинъ.

Тѣмъ временемъ я имѣлъ возможность познакомиться съ жителями Радзивилова, и признаюсь, что немногіе провинціальныя русскія города могутъ похвалиться такимъ прекраснымъ подборомъ чиновниковъ.

Завѣдующій тамождой—Кавецкій, женатъ на молодой и очень милой особѣ, выросшей въ домѣ графа Бутурлина.

У нихъ я каждый день обѣдалъ, проводилъ всѣ вечера. Слѣдовательно, я имѣлъ возможность хорошо узнать семью Бутурлина и завязать знакомство съ обитателями Флоренці. Сердечный приемъ, оказанный мнѣ этой милой семьей, сдѣлалъ мое пребываніе въ этомъ городѣ очень пріятнымъ.